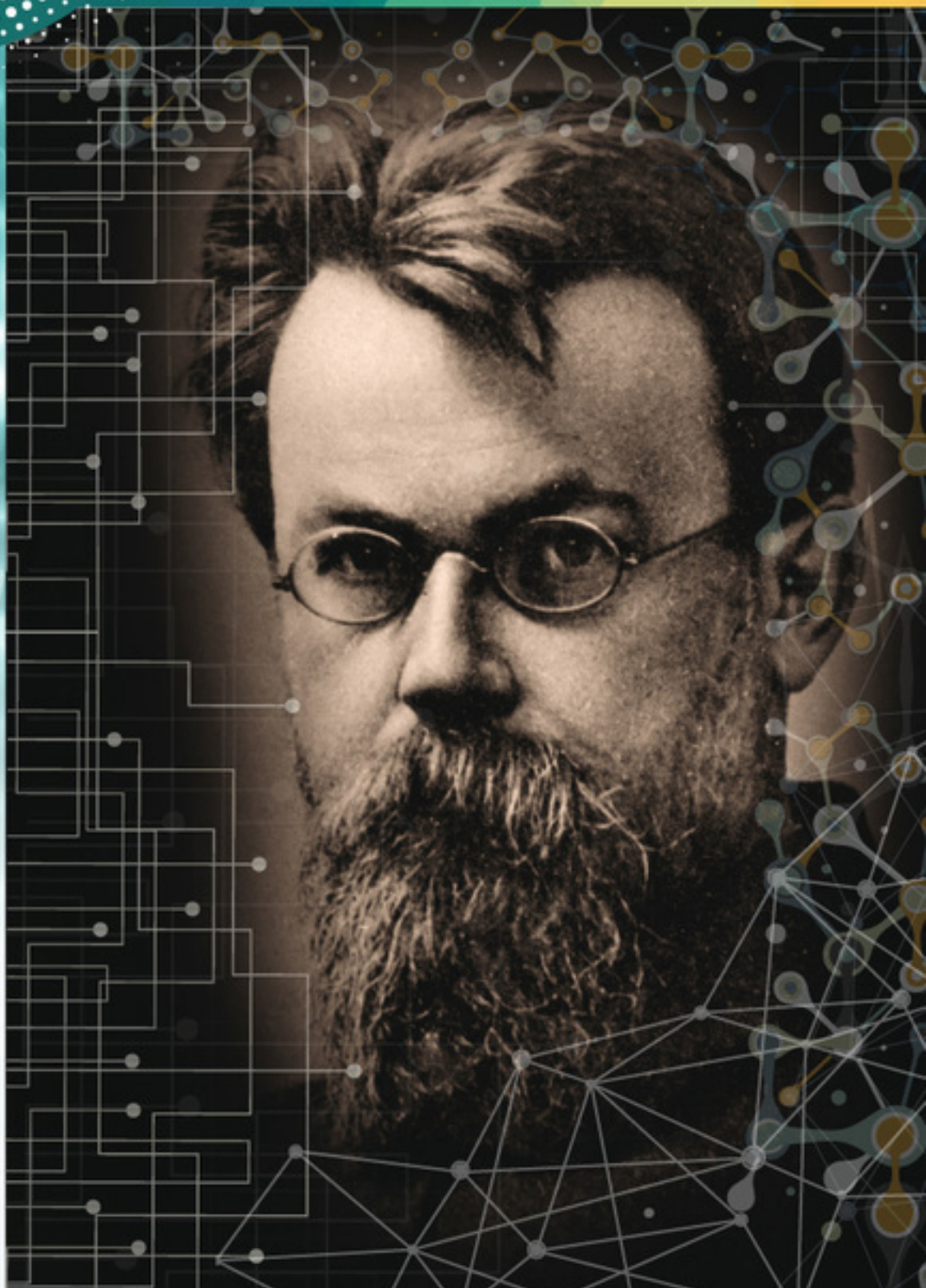

Владимир ВЕРНАДСКИЙ

19

Великие умы России

Дарья Буданцева

Владимир Вернадский

«ИД Комсомольская правда»

2017

Буданцева Д.

Владимир Вернадский / Д. Буданцева — «ИД Комсомольская правда», 2017 — (Великие умы России)

ISBN 978-5-4470-0246-6

В жизни великого ученого Владимира Ивановича Вернадского было две большие любви. Первая любовь – это страсть к науке, к познанию мира. Вторая – это любовь к его жене Наталье Егоровне, с которой они прожили душа в душу 56 лет. Первая непрерывно подталкивала Вернадского к новым открытиям, вторая же не давала его пытливому уму обратиться в сухость и безразличие и одни лишь поиски неизвестных прежде областей науки. Его разум всегда был в гармонии с добрым горячим сердцем, полным сострадания и сочувствия к ближнему. Наука была не самоцелью, она была дорогой к идеальному миру, где нет угнетенных, рабов и несправедливости; познание природы было способом достичь внутреннего совершенства и гармонии, при которых все люди стали бы друг другу братьями не по крови, но по духу. И вместе с тем Вернадский был мятущейся натурой, он не мог успокоиться, пока свобода, что несет в себе природа, не распространится на мир людей – мир оков и цепей. Он боролся с жестокостью своей эпохи неуклонно и твердо, как борется земля – стихия, которую Вернадский олицетворяет, – со всем, что пытается ее покорить.

ББК 70

ISBN 978-5-4470-0246-6

© Буданцева Д., 2017

© ИД Комсомольская правда, 2017

Содержание

Книжный магазин и привидения	6
Любовь, Дело и «Братство»	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Дарья Буданцева Владимир Вернадский

28 февраля (12 марта) 1863–6 января 1945

Благодарим Георгия Борисовича Наумова за помощь в подготовке этой книги.

**КОМСОМОЛЬСКАЯ
ПРАВДА**

© АНО «Ноосфера», 2017 год.

© ИД «Комсомольская правда», 2017 год.

Книжный магазин и привидения

Тяга к науке была у Вернадских в крови, передавалась от отца к сыну, а потом и к внуку. Отец Владимира Вернадского, Иван Васильевич, был преподавателем русской словесности, заведовал кафедрой политической экономии сначала в Киеве, затем в Москве. Он стал профессором уже в 28 лет. Иван Васильевич издавал журнал «Экономический указатель», с которым ему помогала его первая жена Мария Николаевна Шигаева. Она писала статьи на экономические темы. Их можно было назвать экономическими притчами, так как в них был сюжет, развитие действия и мораль в конце. Мария умерла в октябре 1860 года, и от первого брака у Ивана остался сын Коля. «Шигаевское начало», как называл Вернадский некоторые черты характера своего старшего брата, передалось и ему.

Иван Васильевич Вернадский, отец Владимира Ивановича.

Анна Петровна Константинович, мать Владимира Вернадского.

Через 2 года после смерти жены Иван Вернадский женился на Анне Петровне Константинович, приходившейся кузиной покойной Марии. Анна Петровна родила мужу троих детей: Владимира и двух девочек.

В возрасте 24 лет Вернадский в переписке со своей будущей женой вспоминал о своем детстве. «По рассказам, я был здоровый, замечательно тихий и серьезный ребенок; любил поспать, хорошо поесть, одним из моих любимых занятий было рассматривание разноцветных лоскутков и украшение ими своей собственной особы. Любил я рассматривать и раскладывать бумаги, и, курьезная вещь, я еще теперь, когда пишу, с каким-то удовольствием вспоминаю большую корзину под большим письменным столом (хорошие письменные столы были одной из прихотей отца) в темноватом кабинете отца; помню, кажется, перед отъездом в деревню, как я вытаскивал оттуда бумаги, и помню радость, с какой нашел там какую-то книжку с картинками, должно быть, прейскурант».

Вся семья Вернадских отличалась прогрессивностью взглядов. Именно отец рассказал маленькому Володе о борьбе украинского народа за свою независимость и о тайном украинском обществе Кирилла и Мефодия.

Весной 1868 года отца Владимира парализовало – прямо на заседании Политико-экономического комитета у него случился удар. Болезнь протекала очень тяжело. Он так и не смог до конца оправиться, потеряв способность ясно и четко говорить. Иван Вернадский больше не мог быть лектором. Семья переехала в Харьков, и последующее время стало одним из самых счастливых в жизни Владимира. У Вернадских была традиция собираться по вечерам и петь украинские песни.

Анна Петровна Вернадская (урожд. Константинович) с сыном Володей. 1864 год.

Вернадский очень любил Украину. В старших классах гимназии считал себя украинцем. А когда рискнул попробовать себя в художественной прозе и поэзии, то воспевал страдающую Малороссию и закат солнца в южноукраинской степи.

В 13 лет у Вернадского появилось желание читать книги украинских авторов. Но в те годы их печатали только на польском языке. Вернадский поразмышлял над этой проблемой и начал изучать польский язык.

Маленький Владимир любил слушать рассказы. Его двоюродный дядя Евграф Короленко рассказывал в детстве Владимиру истории о происхождении небесных тел, про запорожскую вольницу. Этот идеал свободы мысли и действия остался с ученым навсегда.

Вернадский с самого детства полюбил не только внимать чужим рассказам, но и записывать свои. В 11 лет начал вести дневник; с тех пор и до конца жизни он регулярно документировал свои мысли.

Он тайно общался с местными сверстниками, и они делились с паньчем мистическими историями о чертях и ведьмах. Он боялся засыпать по ночам, ему повсюду мерещились проявления нечистой силы. Он рассказывал о детских страхах Наталье Егоровне, тогда еще его невесте: «Я создал себе религию, полную образов, то страшных, то нежных, но которые жили везде и всюду. Помню, как глубоко и сильно меня интересовали вопросы о том, что делается с душою после смерти, и рисовалось мне, что она долго (40 дней, кажется) летает вокруг тела, не может попасть туда, и ей холодно, ей страшно тяжело, она видит, как плачут, как рыдают кругом родные, как ее тело предают земле. То слышал я, что и тело это еще долго слышит, хоть и не видит... Все такие образы все сильнее и сильнее смущали меня; я писал Вам, что я был в

детстве трусом, а тут кругом и всюду мне стали рисоваться образы домовых или мертвых, летающих душ, я боялся оставаться один в темной комнате, со страхом пробегал из одной в другую, потому что мне казалось, что я их вижу, что я их слышу. Иной раз ночью я просыпался, и мне казалось, что я слышу голос, звавший меня: Володя, Володя, Володя! Дрожа, отзывался я: «Я здесь, господи», но все смолкло, и только, казалось мне, кто-то где-то захохочет, из одного угла перейдет в другой хохот, и я со страхом зажимивал глаза, крестился, читал молитвы, с головой закутывался в одеяло... Я помню, как сильно на меня действовала смерть, я, казалось мне, видел этих мертвецов, мрачных, унылых, становившихся вокруг меня, и помню, как перепугал няню, с которой спал в одной комнате; ночью, проснувшись, я стал уверять ее, что ее брат, который недавно умер, стоит тут, в углу, и грозит мне...»

Потом он вспоминал, что именно его старший брат Николай помог ему бороться с этими видениями. Коля уверял Володю, что стоит только присмотреться, и окажется, что бояться вовсе нечего. Он доказывал, что нет никакой мистики, тем более религиозной, связанной с душами умерших. Разговоры с отцом и дядей Евграфом Короленко также подкрепляли это мнение. «Евграф Максимович на звездном мире старался мне сделать понятным единство, кое существует, которому он верил. Голова начала работать, преодолевая себя, я стал оставаться в темной комнате, хотя вначале часто удирал оттуда во все лопатки, присматриваясь к пугающим предметам, замечал, что остов составляло или платье, или сапоги, или другие какие-нибудь предметы. Помню, как вера в домового была поколеблена тем, что за домового я раз принял кошку и вызвал компанию мальчуганов выгонять ее, они верили, что домовый принял вид кошки (черной), но я был положительно сконфужен, когда на другой день опять в саду увидел ту же кошку».

Юный гимназист – Гуле 10 лет.

Постепенно маленький Володя перестал пугаться темноты. Когда ему было 10 или 11 лет, он решился на окончательный опыт. «Я вызвал черта. В темную июльскую ночь (мы жили в Осколе – имении известного малорусского писателя Квитки-Основьяненко) я пробрался далеко в сад, и там, весь дрожа, на перекрестке двух или трех дорожек я повторил заклинание, которому меня научили, все было тихо, 2-й, 3-й раз – раздался где-то шорох, я помню тот ужас, который охватил меня и с которым я справился не знаю как, когда лягушка прыгнула на дорогу. Я скоро оправился, взял эту лягушку, но и на следующий день у меня она жила – то был не черт, а действительно настоящая лягушка! Я был окончательно сконфужен и никому не говорил о своей попытке».

В 1873 году Володя стал гимназистом. А через год в семье случилась трагедия – старший брат Николай умер в возрасте 21 года от той же болезни, что и его мать Мария. Вернадскому тогда было 11 лет. Чтобы справиться с горем, семья выехала за границу.

Вернувшись на родину, Вернадские переехали обратно в Петербург. Там Иван Васильевич возобновил выпуск экономического журнала, открыл издательство и книжный магазин. С отцом у Володи были очень теплые отношения, с младшими сестрами-близняшками – не очень, они любили над ним насмехаться. Вернадский помогал отцу с журналом. Однажды перевел статьи о положении кооперации в Англии, что очень не понравилось цензуре. Журнал закрыли в 1881 году.

Мальчик проводил дни напролет в книжном магазине отца. Владимир очень рано и с жадностью начал читать. В основном это были книги о греческой истории и путешествиях. Он не любил историй, которые плохо заканчиваются. У Вернадского была привычка сначала посмотреть концовку книги, и если она была грустной, то не читать ее. Эта привычка осталась у него и в зрелом возрасте.

Хотя Вернадский и считался в семье (особенно по сравнению с сестрами) очень трудолюбивым, учиться он, по его словам, не любил. «Я сидел над книгой, – делился он воспоминаниями с женой, – точно готовясь учиться, а фантазия моя в это время витала Бог знает где, или я дальше читал то, что не надо».

Володя Вернадский, гимназист 1-й Петербургской гимназии, 1878 год.

Владимира уже в 14 лет начинала интересовать политика. Он внимательно следил за Балканской войной. Внутренняя политика страны его интересовала не меньше, чем внешняя. Он писал в дневнике обо всем, что происходило. Например, о «Казанской истории» (преследовании народников и суде над ними возле Казанского собора в 1877 году) он отзывался с неодумением. Вернадский удивлялся тому, что государь устроил такую демонстративную и жестокую расправу над почти еще детьми. Самому старшему из осужденных было 22 года, а были и несовершеннолетние, притом никто не получил и шанса себя оправдать.

В семье Вернадских царил полный религиозный индифферентизм. Иван Васильевич был деистом, Анна Петровна – неверующей. Сам Владимир ни разу в жизни не был на заутрене перед Светлым воскресеньем, хотя, как он писал жене, каждый раз собирался, «да все как-то нельзя бывать». На него сильное влияние оказала няня, которую Вернадский характеризовал как человека чрезвычайно хорошего и положительно умного. «Ей обязан я и резким порицанием барства, которое она очень не любила, впервые узнал про освобождение крепостных и помню в детстве ее выговоры, если, будучи избалованным ребенком, грубо говорил ей или прислуге: «Что ты это, теперь нет крепостных, нет бар – все люди» и т. п.».

Он читал труды Татищева по истории России и книги о загадках природы. Владимир колебался, на какой факультет университета поступать – исторический или естественный. В 17 лет прочитал «О происхождении человека и естественном отборе» Дарвина на языке оригинала. Эту книгу ему подарил отец на день рождения по его просьбе. Он не просто прочитал, он осмыслил, оставив много комментариев на полях тома.

В гимназии Владимир дружил с таким же любознательным мальчиком, как и он сам, – Андреем Красновым. Они вместе вечно устраивали какие-то химические опыты со взрывами, которые радовали юных натуралистов и пугали Анну Петровну.

От второго инсульта Иван Васильевич не оправился и всю оставшуюся жизнь был парализованным. Володя очень много времени и сил посвящал уходу за отцом.

В 1881 году Владимир окончил гимназию. Выпускные экзамены сдал хорошо, в классе был восьмым по успеваемости. В семье встал вопрос о том, где Вернадскому продолжать учиться.

Любовь, Дело и «Братство»

После окончания гимназии Владимир отказался поступать в элитный Александровский лицей, который готовил государственных управленцев. Даже несмотря на то, что Иван Васильевич как бывший профессор мог поспособствовать в поступлении. В итоге Вернадский поступил на естественное отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета. Тогда там преподавали выдающиеся представители естественных наук: Менделеев, Сеченов, Бекетов и т. д. Вернадский и его новые друзья-однокурсники страстно и энергично окунулись в научную работу, к которой гимназия их не подготовила. В зрелом возрасте Вернадский считал восемь лет гимназической жизни напрасно потерянным временем. С особым восхищением Вернадский отзывался о лекциях Менделеева. Он говорил, что во время них студенты словно входили в новый чудный мир, что Дмитрий Иванович умел возбуждать в человеческой личности порывы к познанию и к претворению знания в реальность.

После сдачи экзамена Д. И. Менделееву. Слева направо: А. Краснов, В. Вернадский, Е. Ремизов.

Вернадскому было сложно сконцентрироваться на одной области науки. Его интересовало все и сразу. Первые два курса он учился на двух отделениях своего факультета – есте-

ственном и математическом. Не везде, правда, сдавая экзамены. При этом он продолжал увлекаться историей, политэкономией, изучать философию и филологию.

В мае 1884 года Вернадский проанализировал в дневнике все, чего он достиг в жизни. Ему казалось, что он не соответствовал ожиданиям своей семьи. Он считал, что не был достоин высоких оценок, ругал себя за расслабленность мысли, за непоследовательность характера и внутреннюю пустоту, которые он в себе видел и яростно пытался искоренить.

Вернадский продолжал зачитываться научной литературой, но этого ему было катастрофически мало. Он страстно желал лично повидать страны и моря, природу и людей, о которых читал. Он был практиком по жизни. Даже атмосферу он мечтал понять, поднявшись высоко над землей.

Его интересовала не только наука и изучение мира. Будучи студентом, Вернадский вступил в народнический кружок в Петербурге, где познакомился со своей будущей женой – Натальей Егоровной Старицкой.

В 1882 году образовалось Научно-литературное общество (НЛО). Его инициатором был профессор литературы Орест Фёдорович Миллер. НЛО просуществовало до 1887 года. Во главе общества стоял научный отдел, в котором Вернадский вел минералогию, а Краснов – ботанику. Именно тут Владимир впервые публично изложил два своих первых научных доклада.

Еще на первом курсе университета Вернадский нашел себе научного наставника на всю жизнь – Василия Васильевича Докучаева. Он заразил молодого ученого нестандартным подходом к геологии.

Вернадский не любил тратить время без пользы, то есть не изучать, не исследовать и не познавать. Даже когда он просто ехал навестить, к примеру, свою сестру, то предварительно интересовался у Докучаева, какие образцы почв нужно привезти.

Докучаев пригласил Вернадского в Нижегородскую почвоведческую экспедицию, продолжавшуюся с 1882 по 1887 год. В этой экспедиции он был помощником молодого кандидата наук Левинсона-Лессинга, в будущем тоже академика и соседа Вернадского по дому на Васильевском острове. Это его первое серьезное путешествие по России, он узнает свою страну совсем с другой стороны. Ему интересно то, как живут люди вне Петербурга.

Осенью 1882 года Вернадский настолько подружился с некоторыми студентами, близкими ему по духу, образу мысли, что возник некий союз, а точнее, «Братство». Их всех объединяла жажда кардинального преобразования общества с помощью конституции и, конечно же, моральных изменений на личностном уровне каждого человека в России. А «Братство» должно было в этом поспособствовать. Кроме Вернадского, туда входили генеральские сыновья Сергей и Фёдор Ольденбурги, с детства воспитанные на ручном труде; князь Дмитрий Шаховской, который презирал аристократию; ярый сторонник конституционного движения Александр Корнилов и Иван Гревс, который преподавал в Петербургском университете и на Высших женских курсах. Сначала друзья собирались у Александра Корнилова, но там роскошная обстановка дома слишком сильно контрастировала с разговорами о бедном и угнетенном народе, поэтому они перекочевали в дом к братьям Ольденбургам. Их дружеский кружок ставил перед собой высокие цели служения народу, при этом не отдаляясь от него. Члены «Братства» лежали на тигровых шкурах перед камином и говорили о судьбе России.

Академик-востоковед Сергей Фёдорович (1863–1934) и Фёдор Фёдорович (1861–1914) Ольденбурги.

Шаховской, Вернадский и Фёдор Ольденбург вскоре стали шутливо называться Шахвербургом – от каждого имени центральных фигур кружка по части. Эти трое были примером добродетели: они не пили вина, не участвовали в студенческих попойках и не вступали в интимную связь с женщинами до свадьбы.

Вскоре они начали мечтать о том, как было бы здорово им жить всем вместе одной большой коммуной в имении, вместе воспитывать детей. Эту творческую, научную и духовную коммуну они назвали Приютино, а себя – приютинцами. Нравственные ориентиры друзьям указала «Исповедь» Льва Николаевича Толстого, вышедшая в то время самиздатом. Шаховской определил три простых правила «Братства». 1. Работай как можно больше. 2. Потребляй (на себя) как можно меньше. 3. На чужие беды смотри как на свои. Никакого конкретного устава в братстве не было, только лишь общие стремления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.